

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Универсум культурной памяти (КП) любого этноса неисчерпаем. Эта книга лишь первое приближение к теме (КП Ха-драмаута и мерная речь), основанное на эмпирическом опыте автора (опросы, наблюдения, анализ документов и письменных текстов).

В отличие от исторического знания КП оперирует стереотипами, подвергая целенаправленной переработке коллективный опыт этноса в субъективную, но весьма устойчивую картину *культурного прошлого*, конструктивную составляющую этнической культуры. Иными словами, КП есть та самая традиция, которая, по классическому определению, хранит и освящает комплекс обычаев и жизненный уклад этноса, отличая его от других групп (Широкогоров 1923: 13).

При формировании культурного прошлого используются разные сочетания устных и письменных кодов. В Южной Аравии они связаны с тремя областями соционормативной культуры — обычным правом, декларируемыми генеалогиями и поэзией на разговорном языке (Родионов 2008а: 145–152; 2009а: 44–66).

Схему соотношения корневых и ствольных принципов шариата, ветвей права и конкретных казусов обычно представляют в виде правового древа, как и для генеалогических схем — родословного древа с корнями, ветвями и кроной. Без документированной записи генеалогия «неустойчива» (Но 2006: 97–191). Поэзия на разговорном языке сохранила по сей день свои устные истоки — импровизационность и диалогичность. С доисламских времен поэтическое слово используется для обострения конфликта или для примирения сторон (Родионов 2007: 146–152; 2009а: 32–66). Обращение к полевому материалу показывает, что некоторые ключевые слова, особенно в коротких поэтических текстах, играют роль «свернутых метафор» (древо, путь, мед, ворон, милость и т.д.) и превращаются чуть ли не в универсальные мифологемы, уходящие корнями в глубокую древность. «Свернутые метафо-

ры» озвучивались мерной речью и были взаимным достоянием стихотворцев и правоведов (Messick 1993: 48), нередко превращаясь в юридические термины.

КП Хадрамаута строит свой универсум с помощью устно-письменной традиции, используя не только поэзию, но и другие формы арабской словесности. Касыды и поэтические фрагменты органически входят в прозаический текст, будь то местная хроника, биография или генеалогическое изыскание. Так, прозаический нарратив в путевом жанре *рихла* свободно сочетается и с житием-*тарджамой*, и с корпусом стихотворений-*диваном*. По существу, *рихла* (имеющая среди своих предков самый значимый травелог Аравийского моря — путешествия Синдбада) — это отчет о том, как герой осваивает культурное пространство. По общим законам, действующим и в смежных культурных ареалах (Родионов 1994б: 134–154; Кириллина 2010), механизмы КП Хадрамаута конструируют свой универсум путем апроприации пространства-времени.

Для этого здесь используются следующие приемы артикуляции коллективной памяти:

— обращение к назидательным примерам из коллективного прошлого — *'адиййат* — как развалины былой гордыни, сокрушенные Божьим гневом народы и т.д.;

— возвращение домой — как в легендарных историях самудян, киндитов или хадрамейских эмигрантов;

— превращение чужого в свое, *гурба в тилид* — новые и старые йафииты, заимствованные артефакты (фитильный мушкет, самовар, см. рис. 25), новые идеи;

— преобразование ада в рай — при устройстве *хауты* как безопасного анклава молитвы и торговли, при орошении мертвой земли, ибо, как призывал поэт Мухсин б. Алави ас-Сакаф: *as-sināwa wa-la jāwa wa-na'm as-sināwa!* (колодезное орошение, а не Ява, да колодезному орошению; см.: al-Sabban 1978: 38).

Так хаос превращается в ойкумену, в ландшафт жизни-смерти-и-воскресения, сохраняемый КП и оживляемый мерной речью.

Самосознание культурной группы определяется ее референтной базой — набором соционормативных ценностей для сравне-

ния должного и сущего с помощью ритуалов, символов и словесных клише. Оптимальная форма производства, использования и хранения подобных клише — мерная речь. Связь между метром и смыслом, о которой спорят литературоведы, устойчиво существует «в массовом сознании культуры» (Гаспаров 1999: 16) и используется КП для создания голосовых паролей — сезамов, открывающих доступ к ее тезаурусу.

Борьба за монополию в производстве и артикуляции смыслов издавна идет между поэтами, племенной элитой (мукаддамы, хакамы), религиозными авторитетами (сада, машайих, кади), политиками, общественными деятелями. В наши дни пластичность КП Хадрамаута подвергается критическим испытаниям, традиционный универсум рискует расколоться на отдельные фрагменты, которые каждый участник пытается собрать по собственным правилам.

Сословные барьеры, на которых строилась социальная иерархия Хадрамаута, начали размываться еще в тридцатые годы XX в., а после 1967 г. были отменены законами республики Южного Йемена. Но хотя материальная и в известной мере духовная основы этой иерархии были подорваны, сохранилось главное — правила брачных соответствий, благодаря которым социальные страты уцелели как эндогамные группы (Родионов 1993б: 321–327). С объединения Йемена и вплоть до наших дней происходит последовательное усиление племенной страты, опирающейся на собственные социальные институты, а не на общегосударственные структуры. Социально-политические процессы влияют на КП Хадрамаута, меняя ее словарь и репертуар интерпретаций. Однако едва ли не большую роль в изменении КП играет техническая революция. Уже в 1960-е годы дешевые кассетные магнитофоны начали менять соотношение устного и письменного кода — поэтические послания стали передаваться не в письменном виде, а путем обмена голосов, записанных на магнитную пленку, а то, что раньше вообще не подвергалось записи или было рассчитано на разовое исполнение, теперь сохранялось и могло быть воспроизведено снова и снова. Затем пришла эра мобильных телефонов, изменивших систему оповещения и мобилизации населения, прежде всего в племенах. «Зачем мне кинжал на поясе и автомат Ка-

лашников за плечом? — говорил человек из племени ас-сай‘ар, держа в руках запыленный мобильник. — Стоит мне нажать эту кнопку, как сюда приедут пять машин с пулеметами». И наконец, в Хадрамаут пришло время доступного Интернета, социальных сетей, скайпа. Племена открывают свои сайты, любители древностей вывешивают в «Фэйсбуке» старые фотографии, сделанные при англичанах, размещают стихи народных поэтов и клипы поэтических состязаний, на которые тут же приходят десятки комментариев. Одна за другой выходят книги по истории отдельных племен, написанные их представителями и снабженные картами, фотографиями памятных мест и документов, стихами, генеалогическими схемами и диаграммами (Rodionov 2011: 333–338).

Все это не может не влиять на состояние локальной КП, среди хранителей которой все больше модернизированных носителей традиционной ментальности. О них, в частности, пишет в своем интересном исследовании Карам Мубарак Ба Мумин (Ba Mumin 2001). Уроженец Тарима, он пытался выявить взаимосвязь общественных отношений и общественной мысли в Хадрамауте с древнейших времен, особо останавливаясь на современном периоде, когда мыслящие люди края от искушений социализмом перешли к надеждам на новое исламское возрождение.

Уходящий на наших глазах в прошлое традиционный университет Хадрамаута требует срочных этнографических разысканий. Для выяснения того, как локальная КП отражается в поэзии на разговорном языке и в мерной речи вообще, необходимо продолжить изучение ал-Мишкаса, самобытного культурного микроареала в рамках Хадрамаута. Работы в этом направлении были начаты уроженцем аш-Шихра выдающимся краеведом ‘Абд ар-Рахманом ал-Маллахи (1936–2013), см.: (Родионов 1993а; al-Mallahi 2001), его материал требует обработки, осмысления и дополнения на месте. Важные результаты может дать анализ духовных связей (обрядовая сфера, магия) между аш-Шихром и Гайл Ба Вазиром в зеркале народной поэзии. Ждет своих исследователей поэзия мореходов и рыбаков, фольклор населения Вади Хаджар — хаджуров и другие темы, показывающие, как локальная КП через мерную речь оживляет былое, преображая его в живую старину и живую современность.